

Юз

Алешковский

НИКОЛАЙ
НИКОЛАЕ-
ВИЧ

худ.

Виктор Пивоваров

Издательство
«ПРОБЕЛ»

Юз Алешковский

Николай Николаевич.

Лирическая фантасмагория

«Пробел-2000»

1970, 2014

УДК 821.161.1-1 Алешковский
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Алешковский Ю.

Николай Николаевич. Лирическая фантасмагория /
Ю. Алешковский — «Пробел-2000», 1970, 2014

ISBN 978-5-98604-450-7

«Вот послушай. Я уж знаю: скучно не будет. А если заскучаешь, значит, полный ты мудила и ни хуя не петришь в биологии молекулярной, заодно уж и в истории моей жизни. Вот я перед тобой мужик-красюк, прибораклен, усами пошевеливаю, как кот, словивший мышь, «волга» бегаёт, хата, заметь, кооперативная, а жена – скоро кандидат наук, главное, любовь ведь свыше нам дана, замена счастью она, примерно так сказал тот же Пушкин...»

УДК 821.161.1-1 Алешковский
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-450-7

© Алешковский Ю., 1970, 2014
© Пробел-2000, 1970, 2014

Содержание

1	8
2	12
3	17
4	19
5	22
6	25
7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юз Алешковский

Николай Николаевич

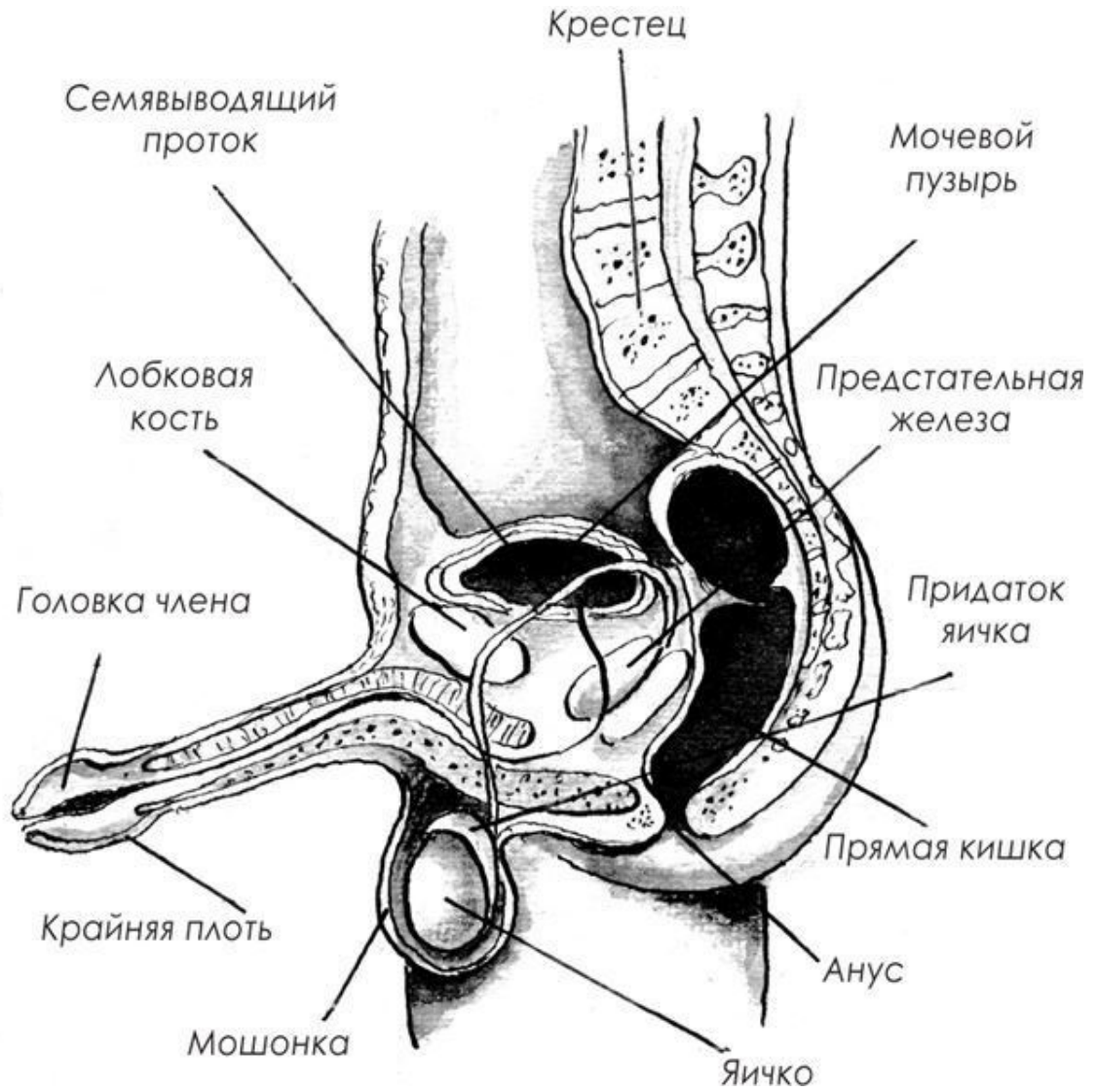
*Ирине Розенталь-Никифоровой, Алеше, Ольге Шамборант,
Андрюше Битову – на память о веселых поддачах, комарах, свежей
треске, землянике и дивных дюнах Рижского взморья.*

© Алешковский Ю., 2014

© Пивоваров В.Д., 2014

© ООО «ПРОБЕЛ-2000», 2014

МУЖСКОЙ ПОЛОВОЙ ЧЛЕН
(в разрезе)

1

Вот послушай. Я уж знаю: скучно не будет. А если заскучаешь, значит, полный ты мудила и ни хуя не петришь в биологии молекулярной, заодно уж и в истории моей жизни. Вот я перед тобой мужик-красюк, приборахлен, усами пошевеливаю, как кот, словивший мышь, «волга» бегаёт, хата, заметь, кооперативная, а жена – скоро кандидат наук, главное, любовь ведь свыше нам дана, замена счастью она, примерно так сказал тот же Пушкин. Жена, в натуре, загадка – не менее, а если более, то тайна природы. Этот самый сфинкс с отбитым носом, который в Египте – я короткометражку видел, – говно по сравнению с ней.

В нем, кроме памятника, и раскалывать-то нечего, если разобраться.

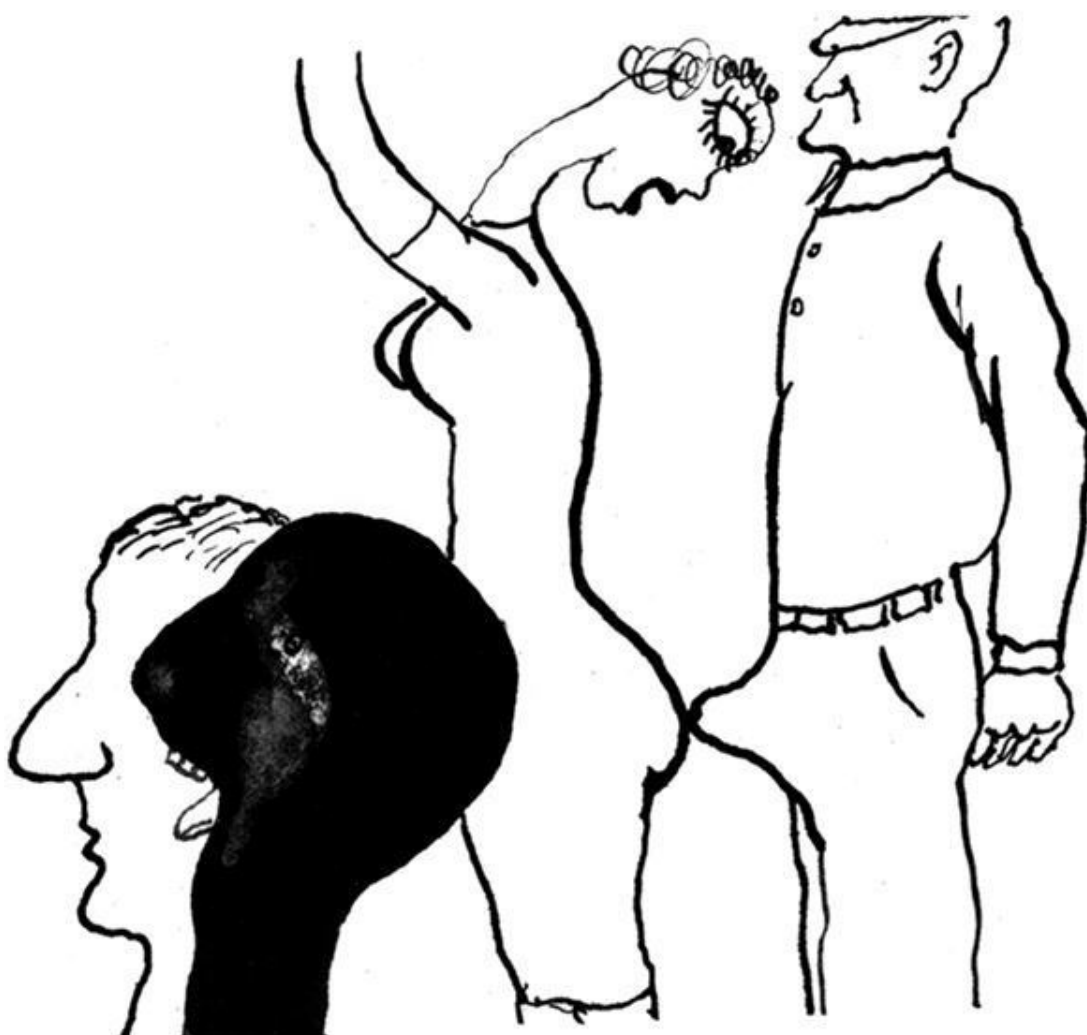
Ну, о жене речь впереди. Ты помногу не наливай, половинь. Так забирает интеллигентней, и шнифты не разбегаются, как у зайца. Закусывай, а то совсем окосеешь и еще лет триста умом Россию не поймешь... я тоже, как видишь, совершенно ее не понимаю, но все-таки закусываю.

Короче говоря, после войны освободился я девятнадцати лет, образование – от звонка до звонка, – культурные трехлетние беседы с различными врагами народа, замечательно умными русскими, евреями, литовцами, чеченами, немцами и прочими равноправно посаженными членами дружбы народов. Тетка меня в Москве прописала: ее начальник паспортного стола ебал прямо на полу в кабинете. И месяц я нигде не работал.

Не хотел. Куропчил потихоньку на садке, причем без партнеров, даже пропаль перепулить было некому. Артистом называли щипачества, легендой такого вот артистизма. Если б Сталинскую премию за него давали... впрочем, хули пороть утопию? Видишь пальцы? Ебаться надо Ойстраху – мои длинней. И, между нами, чуял я этими пальцами, что за цвета у купюры в лопатниках или просто в карманах. А сколько в Москве залетных щипа-чей, но парчушек, которые за рубль горят или за пару билетов на футбол со «Спартаком»? Тучи! Тянут лопатник и тянут, сохатые, как дедка репку, вытянуть не могут, потеют, на цырлах балансируют, потом вы-тя-ги-ва-ют, тут их – за жопу и в конверт. У нас в стране, чтоб ты знал, не считается, сколько спиздил, главное – не воровать... поэтому наш мудрый народ, дообанный дефицитом бациллы и ширпотреба, вынужден рассуждать чисто диалектически: нам чужого не надо, мы и на ворованное проживем.

Как, спрашиваешь, однажды я сгорел?.. нет, не жадность, сука, погубила – собственный волюнтаризм подвел моего хуидола... дело прошлое, одна цыганка мне гадала – мы с ней кувыркались-клоунадили за кулисами театра «Ромен»: остерегайся, мой хороший, автобусов... не внял я, позорник, не внял... была в том проклятом автобусе полезная давка... я заподлицо прижался к тендеру одной охуительно аппетитной дамочки... в сумочке бабки нащупал, вытянул, перепулил их за отворот ботинка, работаю, блядь, как Игорь Кио – хрен уследишь, где фокус, где фикус, то есть накось выкуси, Петровка 38... и вот тут, надо же, они, сволочь, имею в виду хуидола, изволили, видите ли, заторчать... плевать данному органу – одна из его кликух Шершавый, – на чувство реальной, как дважды два, опасности и наоборот... это не одно и то же – научись размышлять, скептик ты ебучий... он себе тупо упирается, как ишак у Ходжи Насреддина... куда, блядь, и во что?.. ну, хули ты пристал?.. я же позади нее стою, а ведь у любого, как известно, хуирода заместо трезвого ума – лишь инстинкт самовставания тогда, когда ему залупой вниз болтаться надо... скажу тебе так: ни в истории, ни в географии природы – ни малейшего не будет порядка, пока они, хуидолы и хуироцы всего человечества, не начнут вставать вовремя, как, допустим, у собак, котов, тех же ишаков, слонов, моржей и других млекопитающих... проблема-то в том, что демография у народа вшивовата, вот, кирюха, в чем дело, тогда как самой ебли на душу населения намного больше, чем дальнейшей нужды в быстрейшем укреплении породистого генотипа нашей популяции – иначе нам пиздец... вот

тебе и а-а-а!.. я и сам такой: всю дорогу завожусь с полоборота, но это уже профессия... как видишь, являюсь не только инструктором-мастурбатором высшего разряда, но и испытателем не хуже самого Коккинаки... я даже сейчас, вроде тебя, тахикардирую, как у окошка женской бани, давление скачет, прерывается дыхание... это злобучая либедуха загуляла по буфету – это она... если хочешь знать, мы, козлы, попривыкали ее использовать все больше ради кайфа ебли, а не заветного распоряжения, общеизвестно Кого именно, насчет плодитесь и размножайтесь, так как ебля это вам не игрушка... позже узнаешь, что это за звери – либедуха и Эрос, промеж ног, который у тебя вырос вместо умственного развития обоих полушарий того же не обученного мозга... автобус, значит, пыхтит, мой, еще раз подчеркиваю, тупо упирается в самую что ни на есть святую для каждого существа женского человеческого пола позицию... еще пяток секунд, и он, как бывало, кончил бы в трусики – плевать ему на них, отстираются... но, как и было мне цыган-кою нагадано, судьба распорядилась по-своему, так как, в ее глазах, любой шершавый – пшик, зола, ничто... чудесная дама завопила на весь автобус, прямо в член моих мудей вцепилась, я остолбенел... чехты, горю с поличным, хотя потом уверял я следака, что чьи-то бабки мне в ботинок нарочно перепулил какой-то жулик в форме капитана МВД, которого немедленно надо бы отыскать, поймать и обезвредить... бесполезняк – все такое нашему следствию похую, не в Америке находимся... но вот какое странное дело: точно такого, как я напророчил, щипача в офицерской форме, отловили с поличным через пару дней, а меня тут же разогнали... теперь до конца срока жизни – хуй вот я еще разок в автобус сяду... лучше поползу по мостовой, скажем, в бар, чем сесть в коварный этот вид транспорта.

Ну, ладно, куропку себе помаленьку. Маршрут троллейбуса «Букашка» освоил и трамвая «Аннушка». Ксивы разные, заметь, не брал. А если попадались, я их по почте отсылал или в стол находок перепуливал – надо все ж таки совесть иметь. Был при бабках. Очень изводила, в тесноте, близость девичьих и женских даров природы. Иногда, на всякий случай, подвязывал своего хуирода косынкой к ляжке, чтоб в давке не осатаневал, грешный дьявол преисподней.

А у метро «Кировская» процветала ярмарка девчонок и бабенок, домработниц. Эти трясогузки летали стаями в столицу, так как хули им было толку от вшивых колхозных трудодней. Набешься, бывало, с двумя-тремя ночью, в Нескучном, так, что коленки подгибаются, как у новорожденного телка. Один раз ебанулся в обморок, девки ужаснулись, сбежали за «скорой», санитары увезли меня на носилках во Вторую Градскую – почти не дышал, порол какую-то хуйню, так что запомни: подбалденный переб намного вредней трезвого недоеба... да, да, переб – нечто вроде заворота кишок и болезни Приапа... Приап был царем, кричал от боли, поскольку хер его моржовый, то есть авторитетный в древнем мире член, вообще никогда не ложился... согласен, частично поэтому пиздец и надвинулся на всю Древнюю Грецию – от нее остались только боги, их резиденция в горах, остров Лесбос и Олимпиадное движение спортсменов к финишам различных стартов. Не спасибокай – не следует кирюх благодарить за соль, лекарства, спасение от смерти и за уроки истории, – это хуевая примета.

Я уж собирался поджениться на дочке теневика-миллионера, но она была тупа, некрасива, лопала много конфет, даже не помогало устрашение, что жопа слипнется от бесконтрольного такого пережора сладостей. Мне это обрыдло. Честно говоря, свобода всех телодвижений личности дороже трехразового питания и полового отъебона, причем безо всякой любви.

Потому что только любовь к одной во всей Вселенной даме сердца чудесно сдерживает свободу распутных, как это бывает, телодвижений – вот почему, и хватит, я сказал, кончай почемукать!.. Вдруг тетка говорит:

– Сосед тебя, Луку Мудищева сраного, в институт к себе берет. Лаборантом будешь. Все одно – погоришь. Гуталин велел политбюро разделить твою ворью на сук и блатных, чтоб, как с тифом и другим геморроем, жестоко и навсегда покончить с преступным миром. Это не параша: у моего любовника брат на Лубянке шпионов мышеловит – он все знает прямо от Берии, с которым на вась-вась.

С чем-чем, а с садизмом прокурорской власти у нас не заржавеет. Я перебздел. Везло мне что-то очень долго. Специальность получить хотелось, но работать не любил. Не могу – и все. Хоть убей. На зоне кто не работает, тот не ест, а кто мантулит и, как лошадь, упирается, тот вообще – дистрофик, доходяга, долго не живет. Отучили людей мантулить по-совести, особенно в лагерях. Кроме того, воровка никогда не станет прачкой, а урка не подставит свою грудь. Пришлось идти в институт к соседу, потому что примета есть такая: перебздел, значит, вот-вот погоришь. И в натуре, замечаю в трамвае, как и в троллейбусе, топтунов в штатском, у них в карманах «несчастья», в шнифтах жестокий блеск.

С соседом этим, в институте который, мы по утрам здоровались. Он в сортире подолгу сидел, газетой шурился и смеялся. Воду спустит и хохочет.

Ученые – гад буду, все они авоськой стебанутые. По-моему, он, в комсомольском возрасте, тоже мою тетку ебал. В общем, устроился я в его лабораторию. По фамилии – Кимза, нацию не поймешь, но не еврей и не русский. Внешность вполне благородна, ничего себе – красюк, но какой-то, блядь, усталый, седоватый, хоть лет ему всего под тридцать шесть, похож на помесь Калинина со Шверником, минус козлиная борода всего лица.

– Будешь носить реактивы и помогать ставить опыты. Захочешь – пойдешь учиться. Что скажешь?

– Нам татарам – одна хуй. Что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать.

– Твоего постоянного мата я больше не слышу.

– Всегда-пожалуйста, хотя мат сближает человека с судьбой его личного дела и личных вопросов других людей.

2

Неделю работаю. Таскаю хуйню всякую, склянки мою, язык солью какой-то обжег в обед, яйца всмятку хавая, ну, и закономерно дрисстал дня два чем-то синим. Думал, соль поваренная, а она, падла, химической была. Бюллетень не брал, однако. А то бы в очко миномет вставлять начали, как в лагере. Чернил пузырек я тогда у опера уделал, чтобы на этап северный не идти. Собственно говоря, работаю.

Оборудую новую лабораторию. Микроскопов в ней с хуеву тучу, навалом приборов, моторов, реторт, змеевиков, реостатов и рубильников – я их с детдома уважаю. Были там и клетки с белым расизмом мышей, против чего боролся Мандела. Нас выгоняли на митинг, руки прочь от которого, но я сачканул, закосив резь в желудке от той же дростогонной хим-соли. Вдруг мне надоело упираться, верней, остобенило. Я даже пошалил.

В буфете у начальника отдела кадров лопатник из «скулы» увел ради тренировки искусства своей профессии. Что тут началось! Взвод в штатском прикандехал на замаскированном броневике, из института никого не выпускают. Генеральный шмон, разве только в очко не заглядывают. А все из-за чего? Я с лопатником пошел в сортир отбомбиться, раскрыл, а в нем хуй ночевал – нет бабок. Только ксивы и пара доносов, один – на Кимзу.

Науку совсем не туда саботажно направляет со стрелок истории нашей партии, на собраниях не поет интернационал, не хлопает, голосуя, принимал отвратительный вид вредителя народа, а также с ненавистью, жидовская морда, выключает всесоюзный голос Юрия Левитана, все опыты вышеуказанного экспоната направлены против человека, который звучит гордо, и поэтому косвенно расшатывает экономику.

Понял? Червонцем завоняло для Кимзы. Пятьдесят восьмой. Но я стукачей не люблю, более того, презираю этих глистопявок. Нет, теми доносами я не подтерся, а спустил их в унитаз. По ним получалось, что весь институт – сплошной заговор осинового гнезда, а значит, я тоже состою в числе заговорщиков. Донос на Кимзу я из сортира вынес. Взятый лопатник мойкой расписал на части и тоже спустил в толчок канализации всей страны.

Дверь кто-то дергает, орет и бушует. Я вышел. Застегивая ширинку, вежливо объяснил танцующему сотруднику, что химией обхавался и что дверь в сортир – не зуб мудрости, нехуй ее дергать, надеюсь, въехали?

– Смотрите, – говорю Кимзе, – ксива на вас.

Он прочитал, побледнел, поблагодарил меня, все понял – и хуяк бумажку в мощнейшую кислоту. Она у нас на глазах растворилась к ебени бабушке. Так вот гангстеры в Америке растворяют стукачей, хотя у нас нет свободной продажи подобной кислоты. Как что было бы, если б выбрасывали ее на прилавки? Приводишь инорода неумно зловредного сексота или соседа-доносчика, допустим, на свалку. Там уже стоит полный чан самой царской серной кислоты, бросаешь туда крысеню, посадившего уйму настоящих человеков – все, пиздец! – в природе больше нет еще одного настырного врага человечества. Вдруг меня дергают к начкадрами с помощниками. Я, сам понимаешь, в несознанке, так как не могу и не желаю иначе.

– Не такие, как вы, портные шили мне на Петровке дела, и то они по швам расплозились в первую же примерку!

– Показания есть, что ты позади меня в очереди терся. Может, старое вспомнил?

– Ебал я все показания, кроме дружеских. Много ли там было бабок?

– Если речь о деньгах, то их совсем не было.

– Ну, тогда бы я на такое говно никогда не позарился. У меня не пальцы, а глаз-алмаз, как у Вольфа Мессинга, так как чувю, что в лопатнике: капуста или немудреная всякая ксивота.

Ну, они там посмеялись. Отдохнули, видать, с моим простым языком, а не со всякими «Да здравствует, блядь, всегда вперед, но если, как сказал Чехов, у врага народа все находится

в прекрасном состоянии – и шнифты, и прическа, и шмутки, и душа, – то его уничтожают к ебене фене». В общем, меня отпустили.

Назавтра говорю Кимзе, что работать больше не буду. Принципиально – я не рабочий, а артист своего дела. Я, говорю, на тахте люблю лежать и хавать книжки. Тут он как-то странно покнокал, то есть не просто так косяка он на меня давил, как это делает начальство, когда его начинает поебывать какая-нибудь мудацкая идея. Потом начинает издали насчет важности для всего человечества этой его молекулярной биологии, и что он начинает опыты, равных которым в истории не бывало нигде и никогда. Одним словом, эксперимент. И ему необходима моя работа, названная то ли благодарной, то ли благородной, во всяком случае, заебенно творческой. Но самое интересное, что она и не работа, а сплошное удовольствие, причем высокооплачиваемое. До такого кайфа тыщу лет ебаться надо всем остальным наслаждениям. Главное, как говорил Аристотель, не бздеть надо, пояснил Кимза, пердячим сероводородом, а отнестись к ней, к работе, по-мужски, без предрассудков и с далеко идущей мыслью о будущем человечества.

Кимза – его речь я делаю для тебя понятней, – чаще всего напирал то на грядущее, то на историю, потому что, говорит, татаро-монгольское иго зверски притормозило прогресс науки нашей родины лет на триста, ну, и Европа, естественно, влупила нам, как ты выражаешься, шершавого – по самую носоглотку. Верней, нас она обогнала по всем предметам, пока мы, распиздяи курские, брянские, орловские и прочие, богатырские свои раззявив варежки, отсиживали свои жопы – зимой на печах, летом на деревьях, – и пели, гондоны, широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Короче, всех нас русских, включая сюда дружбу народов, так исторически наебали, что лично тебе, Коля, выпадает масть отыграться – есть во весь! – за все такое международное блядство торможения научного прогресса родины Ивана Сусанина и Зои Космосодемянской, Александра Матросова и артиста Николая Крючкова. Не все ли тебе равно, мудила, это Кимза увязывает рекордсменку по несознанке или я?.. а раз все равно, то хули ты каждый раз выскакиваешь, как яйцо из ширинки.

– Слушай, сосед, не еби ты мне мозги, о чем речь-то? – говорю Кимзе.

– Ты должен стать донором.

– Кровь, что ли, сдавать, потом ее же и пропивать?..

– Нет, не кровь.

– Что же, – смеюсь, – если речь о говне или о ссаках, то я не кулак – всегда готов отдать таковое свое добро в копилку пятилетки нашей страны.

– Сперма нам нужна, Николай. Сперма!!!

– Что за сперма?

– То, из чего дети получают.

– Какая же это сперма? Это – молофья. Молофья, трекать если по-научному.

– Ну, пусть молофья. Согласен сдавать молофью для науки? Только не пугайся. Позорного в этом ничего нет – наоборот, все мы, имею в виду многострадальную нашу отчизну, совершим с твоею исторической помощью героический рывок, приделаем заячьи уши прошлым, а также нынешним Чингисханам Запада. Кстати, полнейшая тайна такой сдачи тебе гарантируется. Твердо.

– Я готов – это забавно, как смешно, главное, не по-троцкому, а по-нашенски, по-мушкетерски. А сам-то ты чего ж не сдаешь молофейку?

Кимза сразу помрачнел и нахмурился.

– Во-первых, дирекция обвинит в выборе объекта исследования по родственному признаку, во-вторых, достаточно во-первых. Давай, соглашайся.

Тут я сел на пол и хохочу, стараюсь не обоссаться, как зашекоченный.

Ни хуя себе работа – аж аппендицит заныл безбожно.

– Зря ты ржешь, Коля, ты же не болван, зря. Сядь и послушай, для чего нам нужна твоя сперма, – сказал Кимза.

Шутки-шутками, а я прислушался, и оказалось, что план у Кимзы таков: я дрочу и трухаю, что одно и то же, а молофейку эту тончайше вмазывают на поверхность спецстекла и всячески под микроскопом изучают. Позже попробуют ввести такую молофейку в матку бесплодной особе женского пола и посмотрят, влетела она или нет. Тут я его перебил насчет алиментов в случае чего. Заделаю вот если десяток пацанов с пацанками, а потом, значит, шевели рогами в получку, как накормить, напоить и прибарахлять всех этих разьебаев из мною же заделанной шоблы-еблы, да?

– Оплату труда и временную – до исторического торжества нашего реванша – тайну твоего научного подвига тоже твердо гарантируем, пусть данная проблема тебя не колышет. Ни о каких алиментах не может быть и речи.

И еще у него имелись – совершенно уже секретные – планы всестороннего исследования моей молофейки. Обещал их перечислить, как только приступим к опытам. А хули, думаю, капусты подзаработаю за свою самозаветно околонаучную деятельность, куплю домик в Крыму с фруктовым садом, заведу гарем, как крымский, из ссылки приканавший, татарин.

Ну, и поябываю себе по очереди тройку баб, колупаюсь там с виноградом дамские пальчики, с клубникой и прочим мармеладо-повидлом – насрать мне разом на все ихние пятилетки и отдавание бабок в долг партии с правительством на дальнейшее развитие народного хозяйства. Это они, козлы, так поливают, а в натуре наши бабки прожирают иждивенцы-паразиты забугровых компартий, ну, те, которые готовят мировые кризисы, пожары и прочие революции, я бы папу ихнего ебал.

Веришь, кирюха, у меня заторчал от всех этих ебоглазых разговоров – хоть сию минуту начинай трудиться во славу родины социализма и демократии передового правосудия!

Мне это было не впервой. До тюрьмы я не дрочил, а на зоне каждый сотый не трухает, остальные девяносто девять дрочат, как сто. Если сгоришь на трех своих вокзалах, сам помастурбируешь, намотаешь всю эту ебаную апперцепцию себе на ус – куда ты нахуй денешься, немедленно если не завяжешь, не начнешь трудиться. Учти, наша зона – далеко не тюряга за границей, где человеко-зэк имеет право на учење, отдых и на труд. Само собой, при отличном поведении, раз в неделю, в Лондбонах-Парижах, ихнему зэку-человеку положены строго регулярные половушные контакты с заказными Нинками-Зинками-Лизками и прочими Ирисками. Кинет тот человек пару-тройку палок – вот и дрочить ему уже не надо, и именно такое положение вещей называется – гуманизм. А то едешь в «Аннушке», кнокаешь в окошко, на каждом шагу гуманизм, блядь, гуманизм, а в тюрьмах что и на зоне? Зэков вместо гуманизма держат в черном теле – вот что, ебена кровь. А на воле, допустим, тому и другому полу негде поебаться из-за жилищного вопроса, то есть негде. И, выходит дело, в одной стране, отдельно взятой чертями за жопу – такова уж ее судьба, – весь злоебучий половой вопрос перекоособлен сикось-накось. Я это к чему?.. Все дело в том, чтобы такие издевательства над либедухой морально не переживать... я же сказал, что о ней – позже, или не сказал?.. Ну, подрочил на зоне – и подрочил, отдал природе должок – и отдал. А другой подрочит, утречком уныло канает на вахту, как убитый – страдает от ядовитого презрения к слабости своей воли. А что потом? На всю жизнь себя он этим переживанием калечит.

Да, на всю жизнь. Он уже говно, а не летчик-испытатель Коккинаки. Знал я Мильштейна Левку, мошенника, мы с ним кушали. Отбой, зэки сеансов поднабрались после трофейной киношки, ну, той, которая, в общем, есть у тучки светлая изнанка, а также нагляделись на забугровую голожопость дамских фоток. Тишина, за работу принимаются кожаные движки... темная ночь, ты, любимая, знаю, не спишь... и с другим лейтенантом лежишь... и поэтому, верю, тайком... ты слезу вытираешь... какой там нахуй для нас, в бараке, гуманизм?.. Не до дрочки только врагам народа, переломанным на Лубянке, доходягам и прочим инвалидам.

Левка Мильштейн зубами скрипит, борется с собой и постепенно засыпает. Я ему советовал прочить хотя бы раз в месяц, День Красной Армии, 8 Марта, Первомай и по революционным праздникам, религию не трогаем, но он – ни в какую, потом попал в дурдом, его комиссовали.

Ну, ладно. Задумался я и спрашиваю Кимзу про условия. Сколько раз спуск? Какой отпуск, рабочий день, оклад, название должности в трудовой книжке?

– Во-первых, будь добр, не говори «спуск, спускать» – ассоциируешь волшебство таинства спермы с ничтожеством говна в унитазе коммуналки.

Во-вторых, оргазм – ежедневно по утрам, всего один раз, еще два часа на отдых, а также на усиленное питание для возрождения новых сперматозоидов, они же живчики. Оформим тебя техническим референтом.

Оклад – по штатному расписанию, так как должности, подобной твоей, еще не бывало в многострадальной истории нашего отечества, а может, и всего человечества. Рабочий день не нормирован. Восемьсот двадцать пять рубчиков. Ежемесячная прогрессивка. После результативного оргазма и отдыха – кино, цирк, футбол, но ни в коем, понимаете, случае не алкоголь и не шаланданье к гунявым профурсеткам блядского типа. Воздержись от коитусов вообще и в частности.

3

Я вида не подал, что удивился, я просто охуел, как вот ты сейчас. Приду, думаю, струхну, времени полно – эх, Коля, канай фокусничать пальчиками на трамвае «Аннушка», в троллейбусе «Букашка». В случае, если погорю, – смягчающее обстоятельство: работаю в секретном институте, где вредность для характера, порча невменяемых нервишек, зряшный износ организма – он, блядь, скажу, не железо-бетонный. В общем, согласился. Вечером сходил к Фан Фанычу, учителю, старому международному урке. Высшего класса был жулик, профессор нашего искусства, пока границы не закрыли на Карацупу и его верного друга Ингуса.

– Ты, – говорит он, – счастливчик, ты везунчик, но продешевил: молофейка дороже черной икры стоит. Конвертируется почти наравне с платиной, радиоактивностью и другой металлически редкой мудозвонией.

Они же тебя наебали! Я бы этим биологам поштучно бодал свои живчики. На то им и микроскопы дадены – мелочь подсчитывать. Поштучно, блядь! Понял?

– Понял, как не понять, я – вполне мыслящая жопа, значит, существую.

Ведь живчик – это самый наш цимес. И на здоровье частая дрочка дурно влияет, усыхает спинной мозг, как у Николая Островского. Не бзди, Фан Фаныч, цену я постепенно подниму – не фраер.

– Жалко вот, нельзя разбавить молофейку, вроде как сметану в магазине, или квас с пивом, раз уж у нас Советская власть во главе с вороватым социализмом демократии высшего пошиба. Тоже навар был бы.

– Не согласен. Молофейка, конечно, не сметана и не пиво, но вот ее-то не надо разбавлять, не надо. Это наводит порчъ на народонаселение всей страны. Например, мне лучше уж похимичить, как химичит весь наш народ. То есть я, попридержав кайф, выдаю на-гора не всю сразу порцию молофейки с одного оргазма, а чуть меньше половины, как меня учила Шурка, пионервожатая. Это, я думаю, вполне безобидная экономия личных средств, не мешающая опытам. Все равно ведь во всем мире ни за хуй погибает 90 процентов живчиков, если не больше.

– Не советую придерживать, нельзя прерывать половые сношения даже с Дунькой Кулаковой. Испортишь силу воли, тогда и ноги пойдут невпопад, как у алкаша в снегопад. Я одну даму из-за этого разогнал. Только и вопила: «Будьте добры, извергайте, пожалуйста, ваш спрыско-спуск куда-нибудь в другое место!» «Может, в среднее ухо?» – спрашиваю. «Все равно куда, лишь бы не в мир кляйне мутер!» У меня, на почве прерывания, ногти ног и рук почти перестали расти. Пришлось разогнать эту даму. Поезжайте, рекомендую, фрау, в колхоз имени Гитлера, где и сливайте молоко в бидоны. Так что кончай уж, Коля, чисто по-человечески.

Тащи бутылку с получки. Сдери там с них молоко за вредность трудовой задачи и скажи, что тем, которые успешно сдали кровь, с уважением несут на тарелках бациллу. Не будь фраерюгой. Ведь в Америке пять раз струхнешь – спешишь, как Чарли Чаплин, к конвейеру и получаешь новый фордик. Понял?

4

Ну, заявляюсь поутрянке на работу, краснею, здороваюсь с белыми халатами – тужусь, так как разбирают смехуечки и немного за себя неловко, как девчонке кинуть палку в телефонной будке, если страшнейший на улице мороз. А с другой стороны – хули, думаю, краснеть? Пускай ебучее человечество пользуется. Может, моя самозаветность пойдет ему на пользу. Смотрю, для меня уже хавирку маленькую приготовили, метра три с половиной, правда, без окон, как камера у графа Монтекросто. Лампочка матового света. При такой дрочить полезней, чем с лампочкой Ильича. Тепло. Лично я, на месте любого вождя, ебал бы всякие мавзолеи, где очереди, как в общественный сортир. Оттоманка стоит. Рядом, на стуле, открытая ждет пробирка для порции моей трудовой молофейки.

– Ну вот, Николай, твое рабочее место, – говорит Кимза.

– Только договоримся – без подъебок.

Тут Кимза и велел мне не развивать в себе какой-то комплекс неполноценности, а, наоборот, гордиться, что сначала я стану секретным, потом всемирно известным первопроходцем в науке и передовой, можно сказать, пионерской гинекологии.

– Все такое, – наглею бесстыдно, – нужно мне, как пятке хуй, лучше пуляйте за вредность булку белого, птюху черствого, триста грамм любительской с фисташками и жареного фашиста в очках.

– Располагайся. Приступай, сразу научись докладывать нажатием красной кнопки о приближении извержения семени. Как только скомандую бригаде ученых: внимание – оргазм! – вдумчиво его восприми, затем смело и без потерь извергай подопытную сперму. Сразу после оргазма прошу не зевать, а осторожно закрыть пробирку пробкой.

– Чтоб они не слиняли в побег?

– Я тоже прошу – без шуточек, – взъярился Кимза, как елдою вдаренный промеж шниф-тяр.

– Тогда уж и ты называй результат вредной моей работы как-нибудь по-нашенски – лучше бы по-русски. А то какой-то, видишь ли, у вас «оргазм» – это вредно пахнет вопросами марксизма-ленинизма.

– К сожалению, Коля, не имеется в нашем великом и могучем иномго слова. В этом тоже виновато чингисханство, Иван Грозный и прочее крепостничество. Теперь еще вот гениев поубивали, а вместо Вавиловых расплодили вонючих Молодиных. Тебя ждет работа всего коллектива – трижды вымой руки спецмылом до чисто хирургической кондиции!

– Сучий потрох, – возмущаюсь, – какая может быть история у всего народа, когда он нихуя не имеет важнейшего слова... нет, вижу, умом, в натуре, Россию не понять, и я теперь не успокоюсь... ну, просто все у нас, блядь, имеется: и одна шестая суши – не то что у японцев, у них всего-то от хуя уши, – мы и фашизму ввели в очко залупу с отворотом... само собой, Пушкин с Есениным, по небу полуночи ангел летел, потом Лука Мудищев... в смысле, ебется вошь, ебется гнида, ебется тетка Степанида, ебется северный олень, ебутся все, кому не лень... хули говорить? – тут и дружба народов с балетом, и вообще по самую горлянку – лесов, сука, полей и рек, и за столом никто у нас не лишний, кроме врагов народа, и мавзолеев Ленина-Хренина, а в стене Кремлевской, как меда в ульях, заслуженных пеплов с сожженными прахами – короче, каждый божий день миллионы рыл кончают, сука, кончают и кончают, ахают и охают... мы все-таки являемся нацией дружбы народа, а не хуем собачьим, но почему-то на русском совсем никакого не имеем «оргазма», главное, ни одного ученого это совершенно не ебет, а с меня не слазит... нет, такое положение официально я в гробу видал... не желаю его списывать на Чингисхана и другие оккупационные организации, допустим, на КПСС, припишем к ней, как толкуют во дворе, сионских мудрецов будто бы мирового жидо-масонского

заговора... в общем, это у меня не понтовая эпилепсуха из-за «оргазма», а натурально русский заторчал в уме вопрос.

Ладно, я отвлекся... закрываюсь в своей комнатухе, она же бывший ленинский уголок, прилег, задумался, вспомнил, хер знает почему, как в побег с сельхозработ ушли мы с кирюхой в бабский лагерь и перебили там всех вороваяк, а те, кому не досталось, все больше фашистки и фраерши, трусы с нас содрали и на части их разодрали, чтобы хоть запах мужской иметь под казенными одеяльцами... вспомнил, значит, а мой змей горыныч уже, как кобра под дудку, башкой своей грешной поводит... вновь терпеливо поясняя: кобра – это очкастая дрессированная змея... затем беру дальнейшую эрекцию в свои грабки. Я тогда ебся не так уж и регулярно, сразу, не заметив как, струхнул... полпробирки собрал, на которой разные наляпаны секретные значки и другие черепа, дескать, поосторожней с живчиками, они вам не кильки балтийские в пряном посоле, но нефуфловое будущее для разных злоебучих планет... целый Млечный путь, как говорил, подрочив, мой сосед по нарам, бывший астрофизик... астры – это не цветы на могиле, а исключительно звезды... на него дружок стукнул, что он Землю как планету в рот ебет, если на ее одной шестой происходит такая большевицкая хуета, что ни в какие ворота она вообще уже не лезет... опять, сука, отвлекся... знаешь, почему отвлекаюсь?... в нашей научной конторе больно уж я привык к интеллигентному треканью, а с тобою я от всей своей души оттягиваюсь, так как, клянусь, охуенно люблю речуги детства круглосиротного и, нихуя не поделаешь, фени юности моей жиганской... тараню пробирку Кимзе.

Кимза размазал немного молофейки по стеклышку, а остальную в какой-то всовывает прибор, весь который обледенел, так что пар от него повалил, как из ширинки Деда Мороза, пыф-пыф-пыф... говоришь, не может пар из ширинки валить?... да, я этот факт своими глазами еще в первом классе детдома зафиксировал... тогдашний внутришкольный Дед Мороз, он же физрук, надрался в сардельку и ввалился на урок во всей форме, усы, бородачи и прочий серебряный иней, все на нем мигает, сука, все на нем блестит... этот физрук в нерабочем положении пилил нашу Фаину Петровну, которая на городской елке халтурила Снегурочкой... и она, то есть училка, захипежила, мол, у нее урок арифметики, тут двадцать восемь маленьких граждан, короче, шел бы ты, сволочь постоянно буханутая, в жопу... тут Дед Мороз в ответ – как рванет на себе ширинку, вот оттуда и пар повалил, как зимой из форточки... рванул и орет, что щас обоссу весь класс, потом заморожу, если ты, Фаинка, не пойдешь со мною в пионерскую комнату, там я красное знамя уже разложил на полу... кстати, в пятом классе я у того же бухого физрука ляпнул из нажопника, прямо на физкультуре, всю получку... директор-зверь весь детдом раком поставил, но получку нигде не нашли, потому что я ее притырил в шкафчике самого физрука... найдет – хер с ней, с получкой, не найдет – еще лучше... целую четверть тайно жрал конфеты, угощал девчонок и курил папиросы «Север»... за все такое запретное девчонки мне показывали неспелые еще сиськи и кое-что другое... хули говорить, спасибо товарищу Гуталину за наше счастливое детство... не знаю, почему вспомнил я все такое очень уж грустное, не знаю.

Посмотрел Кимза в микроскоп и глаза на меня вытаращил. Словно по облигации выиграл сто тонн.

– Ну, Николай, ты супермен, сверхчеловек, невероятно, почему – не спрашивай, потом поймешь, я тебя поднатаскаю в биологии.

– Покнокать-то можно?

– В другой, в другой раз. Сейчас иди. До завтра.

Ну, я строю из себя солидняка и говорю, что за донорство в Америке дороже платят, раз питаться надо после каждой палки от пуза, а то подрочу с неделю, и вся наука остановится: станут доходягами живчики всей моей молофейки. Тебе это нужно?

– А что бы ты хотел иметь из закуски? Учти, с продуктами сейчас вшивовато. Вся страна, кроме вождей и завмагов, сосет по девятой усиленной.

– Мяса грамм двести, можно и триста, хлеб с маслом, стакан жареных семечек, бутылку кефира, стакан чифирка.

– Зачем же семечки?

– От скуки, во время дрочки, их можно кидать под верхний клык свободной рукою.

– Семечек не будет, сие – антигигиена, а насчет мяса похлопочу. Мой шеф – академик-вегетарианец, сам великий Хреново. Возьму у него спец-талоны, он огромное значение тебе придает – огромное.

– Тогда увеличивай зарплату. Из своего кармана, что ли, платишь?

– Увеличим. Вот организую лабораторию, ставок выколочу побольше, и увеличим. Хорошо будем платить за твою молофейку. Богатая она у тебя, Николай, богатая и неслыханно наизлющая, ею можно львицу оплодотворить, то есть такую, как у тебя, молофейку не сравнить с большинством молофеек рядовых. Влада Юрьевна, бегу, бегу! Вахтеру скажи: наряд на осциллографы идешь получать. Ну, иди, отдыхай, а то у меня, из-за бесхозяйственности и халатности администрации, все твои живчики к ебени матери передохнут. Это ты приучаешь меня к мату.

– Вахтеру все скажу, на чернуху я мастер, но впредь о моей матери не говорите ни одного дурного слова.

– Извини, если обидел.

– Ничего, проехали станцию Большой Вопрос, следующая платформа Седовласопиздецкая, далее везде.

5

Однажды канаю по институту, и первый раз в жизни совесть во мне заговорила... ишачат все эти доктора, кандидаты, лаборанты, а я подрочил себе в удовольствие – и готов... еще в планетарий стремлюсь, рвуся в короткометражку, в одной грабке – французская булка с поджаристой верхушечкой, саму булку, сука такая, Гуталин обозвал городской, а в другой – двести грамм докторской... словом, как-то неловко перед рабочим коллективом... а с другой стороны, молофейка науке нужна и, значит, всей стране... вот только на дремоту волокет после каждой дробки... даже лень было щипать на центровых моих маршрутах... пошел я в бар пивка пить, похавать раков, погрызть жареных сухариков из черняшки... кстати, учти, от пива стоит, надо лишь думать о бабе после пяти кружек, а не насчет поссать... как же не поссать, говоришь?... внушать себе надо уметь – вот как... йоги, которые в Индии обитают, даже не срут по месяцу и больше, а ссаки в пот превращают и в слезы... я так полагаю, что, по-научному, по-нашенски, по-биологицки, кал, то есть говно, у этих йогов в запахах превращается... ну, вот, скажем, спирт... ты его не закрыл – он и выдохнулся... только спирт быстро выдыхается, а говно долго – в нем, в говне, молекула совсем другая, и очень вонючая, гадина такая... а уж про атом говенный и говорить нечего... он, блядище, и не расщепляется, наверное, в синхрофазотроне... между прочим, спрошу у Кимзы, что будет, если атом собачьей кучи расщепится... верняк – мировая вонь поднимется до облаков... ты пей... спиртыга – высшей чистоты... мне на месяц, спасибо международному урке Фан Фанычу, два литра выдают, муде перед оргазмом дезинфицировать... ну, а я навожу экономию, как настоящий советский человек... ведь как было дело?... Кимза всем остальным выдает спирт, а меня бортает... ну, уж хуюшки, думаю себе, и в пробирку к молофейке грязь наскреб с каблука – не фраер, нас не наебешь... Кимза сразу тревогу забил.

– Почему живчики не стерильны? Почему они чумазые? Руки трудно вымыть донору?

– Надо, – говорю, – при опыте не руки мыть, а общеизвестное народу мужское орудие производства... оно у меня небось с утра до вечера в брючатах фигурирует, а не в безвоздушном пространстве... мало ли где побывает за сутки?

– Сколько спирта?

– Два литра.

– Многовато. Триста грамм хватит.

Тут я доказал, что прежде чем за инструмент браться, нужно все пальчики обтереть, на обеих, причем, руках, скажи спасибо, что их не дюжина, как у джинна в музее Востока, заодно, мало ли что еще, как говорится, необходимо стерилизовать.

– Хорошо. Литр на месяц.

– Э-э! – уперся я, – так дело не пойдет... литр – это в расчете на самый укороченный вид члена, как, допустим, после холодного моря Гагров, а на увеличенный треба раза в три больше... и я еще зарядил по совести... я, блядь, тут самое ценное в себе отдаю неблагодарным потомкам, которых не знаю и знать не хочу... в Америке давно б уже дачу имел на курорте, свой «Линкольн» и другую неподвижность... между прочим, не мертвые души государству бодаю, как Чичиков, а свежую свою родную спермо-молофейку извергаю на-гора... поэтому нехуй на мне экономию разводить, не надо... как человек, желаю звучать гордо... ты меня залей спиртом, и я его сам первый бухать не стану... а то шушукаются в сортире и подъебывают некоторые падлы институтские, что я своего остолопа при жизни заспиртовать решил... мандавошки, да если бы не он, то был бы конец вашей карьеры, и вы бы не диссертации защищали, а свои жопы на летучке у директора... на моем остолопе только и держитесь – не на лошадином же памятника Юрию Долгорукому... учреждение наше склочное и нет в нем никакого порядка...

не то что в тюрьме или в БУРе... я сроду ни на кого не стучал, но, если вы, змеи, зажмете спирт, клянусь мамой, открыто стукну хуем по столу парткома, месткома и профкома!

– Полагаю, Николай Николаевич прав, – вмешалась в толковище младшая научная, Влада Юрьевна.

– Прекрасно, два литра – ни грамма больше! – После чего Кимза отдал команду готовность номер 1 к эксперименту.

Вот мы, кирюха, и со спиртиком... я даже рационализацию устроил: протираю лежащий, а не стоящий, премию за экономию средств однажды получил... будем здоровы, хавай... ты мой гость, эту севиюгу с красной икоркой я специально для тебя сегодня оставил... черную, между прочим, не уважаю... у меня диатез от нее... жопа идет пятнами, чешется ужас как, и хлористый кальций надо пить, а он, сволочь, горький очень.

Отправляюсь, значит, по утрам в институт, номерок вешаю, в свободное время не путаюсь с Машками, Зинками, Дианками, Фаинками, потому что боюсь лично наебаться и по сдаче спермы фуфлю двинуть, крутануть, как сейчас говорят, динамо... почему?... потому что херовато стал я себя чувствовать... нервно сплю, какой-то в движении вялый – хуже воблы... решил предъявить я Кимзе ультиматум, мы с ним подружились, поскольку он одинок, я одинок – хули ж нам собачиться?... ты, говорю, тратишь энергию на работу простую, а я на самую в человеке главную... когда кончу, на ногах еле стою и под ложечкой тянет... не думай, что жлобствую, мой, в натуре, косорылит организм от суходрочки... может, мне после такой растраты семенного фонда и жить-то лет еще пятнадцать, потом гужуйтесь уж тут без меня... тем более ебля как таковая уйдет в преданья старины глубокой, владыками умов будут не Шершавый с Пиамой Здановой, как предсказывает Академик, а Ш и П, то есть шприц с пробиркой... от всего такого модернизма, так говорит Паша, мой дружок, у меня печалька, и я на ее почве начинаю ненавидеть все человечество заодно со своей молофеейкой, а это уже самый настоящий синдром Гуталина-Грозного...

Фан Фаныч считает, что внутри меня стала распространяться мизантропия... Кимза, конечно, успокоил... сейчас, оказывается, на солнце бушуют неслыханные магнитные бури, поэтому мизантропией ненависти потягивает от всего человечества, но, к счастью, данные выебоны солнца не влияют на дружбу собак, кошек и лошадей с такими нами, то есть с дебилами враждебных страстей и мудацких идеологий.

Тем временем у Кимзы успешно опыты пошли, он иногда, согласно утопизму, мечтал поставить атомно-заводной такой памятник лично моему, по его выражению, невероятному другу науки... тот торжественно вставал бы рука об руку с лучезарностью восхода, а ровно в полночь укладывался покемарить, допустим, под песню: снова замерло все до рассвета, – можно и под темную ночь: ты, любимая, знаю, не спишь, или: тихо вокруг, сопки покрыты мглой... в старину такие фаллические памятники устанавливались повсеместно... как и в честь замечательного плодородия Пионы Зданской, общей нашей матушки... нахера же их снесли?... застеснялись, мудаки двуногие... а кого застеснялись-то?... ведь так называемый хуй у любой живой твари мужского пола, кирюха, если разобраться, – один из двух самых важнейших органов всех времен и народов... точно так же, как, еще раз подчеркиваю, Пиона Зданская... это Академик придумал такую клеветную кликуху на ни за что ни про что запрещенной Пизде... и она, и он, то есть хуила грешный, хочу я сказать, гораздо главней мозгов... мы же, люди, миллионы лет назад не одними мозгами, бывало, ворочали, но и крайне пронырливыми муде, а дамы рожали, рожали и рожали... мозги же тем временем постепенно развивались... да если бы не так, то и ракета была бы не на хуилу похожа в момент его эрекции, а на жопу – только вонища, и никакого народу преодоления тяготения Земли... помни мое слово, вот увидишь: когда мозгам больше некуда будет развиваться, настанет общий пиздец... в те времена стоять не будет даже у последних идиотов, вроде нас с тобой, и у всяких Приапов... все будут исключительно давать дуба, а в родильных домах и в салонах для новобрачных пооткрывают цветочные да

венковые магазины... они-то – хер бы с ними, а вот на улицах под ногами стружки зашуршат, так как начнутся столярные работы по выпуску гробов на душу населения... хули ты шнифты раскрыл?.. такая эра всемирного Эроса наступит еще не скоро, да и общий пиздец, возможно, не надвинется... кроме того, Влада Юрьевна считает, что имеемся мы на Земле, или нихера ни на одной из планет нас больше нет – самого Бытия, как бы то ни было, не может не быть принципиально... точнее, до такого положения ебаться надо оптимизму с пессимизмо-скептицизмом, но заткнись, я тебя умоляю... хорошо, Эрос, на нашем русском – это одна из самых авторитетных Высших Сил, можно сказать, наiebучая Сила в Законе... не знаю, поэтому ли у Солнца имеется Корона, заткнулись... словом, я говорю Кимзе:

– Набавляй, мне и прибарахлиться надо, и телевизоры скоро выпускать начнут, а то опять воровать пойду или на водителя троллейбуса «Букашка» учиться... кроме того, мне сватают дочь теневика, тот меня засыпет бабками – лишь бы она рожала одного за другим... желаю получать раза в полтора больше, иначе – женюсь, и, как говорит народ, весь хуй до копейки.

– Ну-ну! Не бесись, сочувствую, мне для тебя ничего не жаль. Вот получу когда Сталинскую или Нобелевскую – отвалю приличную сумму. А сейчас времена в нашей науке сложные и тяжелые. Дай бог важный опыт до конца довести! Завтра начнем, зарплату увеличим за счет увольнения уборщиц.

Ну, я обрадовался! Хрена с два на автобусе столько зарабатываешь, не то что на «Букашке» и «Аннушке».

6

И направился я на радостях в планетарий. Сначала поддал пивка – развел им трезвое одиночество. Я люблю это дело. Садись под легкой балдой в кресло, лектор тебе чернуху раскидывает про жизнь на других землях и лунах, а ты сидишь себе, дремлешь, над башкой твоей дурашливой умнейшее небо появляется, и звезды на нем и все планеты, которые у нас в стране не видны, например, Южный Крест, и чтобы его увидеть, надо границу переходить по пятьдесят восьмой статье, которая мне нужна, как муде будильник. Вот мигают звездочки и созвездия разные, небо тихо оборачивается, а ты, значит, под легкой балдой в кресле, вроде бы один на всей Земле, и ни хуя тебе, твари жалкой, не надо. И вдруг светать начинает. Пути Млечного уже не видать, розовеет по краям. Хитрожопый какой аппарат! Потом куранты бьют – бим-бом-бим-бом, скорей бы утро – снова на работу, по десять рассчитайся! Зеваю. Гимн Советского Союза. Слава богу, думаю, что не на нарах лежу и не надо мне, шелюмку похлебавши, пиздячить к вахте, как курва с котелками.

Поддал еще в пивном баре – лишний раз обмыл прибавку, потом попер к Фан Фанычу, а у него в буфете буквально хуй ночевал. Пришлось бежать в гастроном. Ну, захмелел международный урка и учитель, завидует мне, хвалит, велит не трепаться, чтобы не пронюхал всякий хмырь-студент.

– Бойся, – говорит, – добровольцев-энтузиастов. Их у нас, идиотов, дохуя и больше.

Отлично бухнули. Утром проспал, бегу, блядь, а в башке от борта к борту, как в кузове, жареные гвозди пересыпаются. Кимза на меня Полкана спустил, орет, что задерживаю важнейший опыт, внимание – оргазм!

А около прибора, от которого пар идет, Академик-старикан бегаёт в черной шапочке и розовые ручки потирает. Запираюсь в своей хавирке, включаю дневной свет. Рука у меня дрожит, хоть бацай на балалайке, а кончить никак не могу, дрочу, весь взмок, самому себе кажусь мизантропом первобытным. В дверь Кимза стучит:

– Почему оргазм задерживается? Это безобразие, а не эксперимент!

У меня уже руки не поднимаются, слабость под ложечкой, все – пиздец котенку, раб трепещет, увольняйте, тираны, без выходного пособия, пропала моя молофейка. Открыл дверь, зову Кимзу.

– Что хочешь делай, у меня налицо сухостой, побаиваюсь, что никак не кончу.

Академик просунул голову в хавирку.

– Что же вы, батенька, извергнуть не можете семечко, нам необходимое?

Я совсем охуел от страха, стыдно, заваливаю опыт, хотел в ту же минуту уволиться по собственному, как вдруг младшая научная, она же Влада Юрьевна, одергивает Кимзу с Академиком:

– Коллеги, пожалуйста, не вносите беспокойство в настроение супердонора.

Она меня в виду имела, ноги задрожали, сердце об ребра – утык-утык-утык, и ужасно уши чешутся. Захлопывает дверь.

– Прикройте, – говорит, – пожалуйста, ваши васильково-синие, Николай Николаевич, довольно невинные глаза, расслабились, будьте добры, вообразите себя в нирване.

И вот, кирюха, собственной рукой, верхней рученькой... веткою черемухи...

мягким тестом для пельмешек... горячо, как под юбкой чайной бабы для заварки чифирка... с чего это могут быть мои глаза невинными, если сам я развратен до основания, а потом... потом – что будет – то и будет... ой, мамочки, не могу, ей-богу, прямо помираю... берет она вполне откровенно этого змея, так сказать, за весь его член... тут все во мне так напряглось, словно кто-то в спинной мой – прямо каждым позвоночком зазвеневший позвоночник, – алмазные... в натуре, помираю... гвоздики забивает серебряным молоточком, и оку-

нает меня с головы до ног в ту самую нирванну с пивом бочковым, и по той пене красные раки ползают, а также плавают в ней жареные черные сухарики... вот, блядь, какое было высочайшее удовольствие!.. не знаю даже, сколько времени прошло, вдруг чую: вот-вот кончу, загнанный оргазмом, как и жизнью, в совершенно безвыходное положение, и уже сдержать себя не могу, заскрипел зубами, изогнулся весь, заорал невероятным каким-то баритоном – а-а-а... потом Академик сказал, что до такого баритона ебаться надо басу Юрия Левитана и тенору Ивана Козловского.

А Кимза сообщил, я ногами колотил, орал-хрипел секунд двадцать от охуенного, как никогда, насладительного удовлетворения... сам же я отключился в обморок – в такую необы-

вало счастливую бессознанку, в которой еще не бывал, хотя ебуса и обалдеваю лет с сорокадцати... ясное дело – любовь нечаянно нагрывает, когда ее совсем не ждешь, и так далее...

ты сбегай в сортир-то, свой дымящийся подставь, что ли, под холодную воду – иначе в те же трусики струхнешь... открываю шнифты, свет горит, ширинка застегнута на все пуговицы, в башке холодно и тихо, и вроде бы набита она сырковой массой с изюмом, очень я ее уважаю... никаких научных дум и никакого нет былого у меня похмелья... выхожу один я на ковровую дорожку, в лаборатории на меня зашикали... Академик над прибором, от которого пар валит, колдует и напевает: «...А вместо сердца пламенный мотор»... как себя было не уважать в такую минуту... я и уважал... вдруг что-то треснуло, как молния, что-то открыли, гайки скинули, академик крикнул: «Ура!» – подбежал ко мне, трясет руку:

– Вы, батенька, возможно, прародителем будете вновь зарождающегося человеческого племени на другой планете! Каждый ваш живчик пойдет в дело! В одном термосе – народ! В двух – нация! А может, наоборот.

Сам черт не разберется в этих сталинских формулировках. Поздравляю!

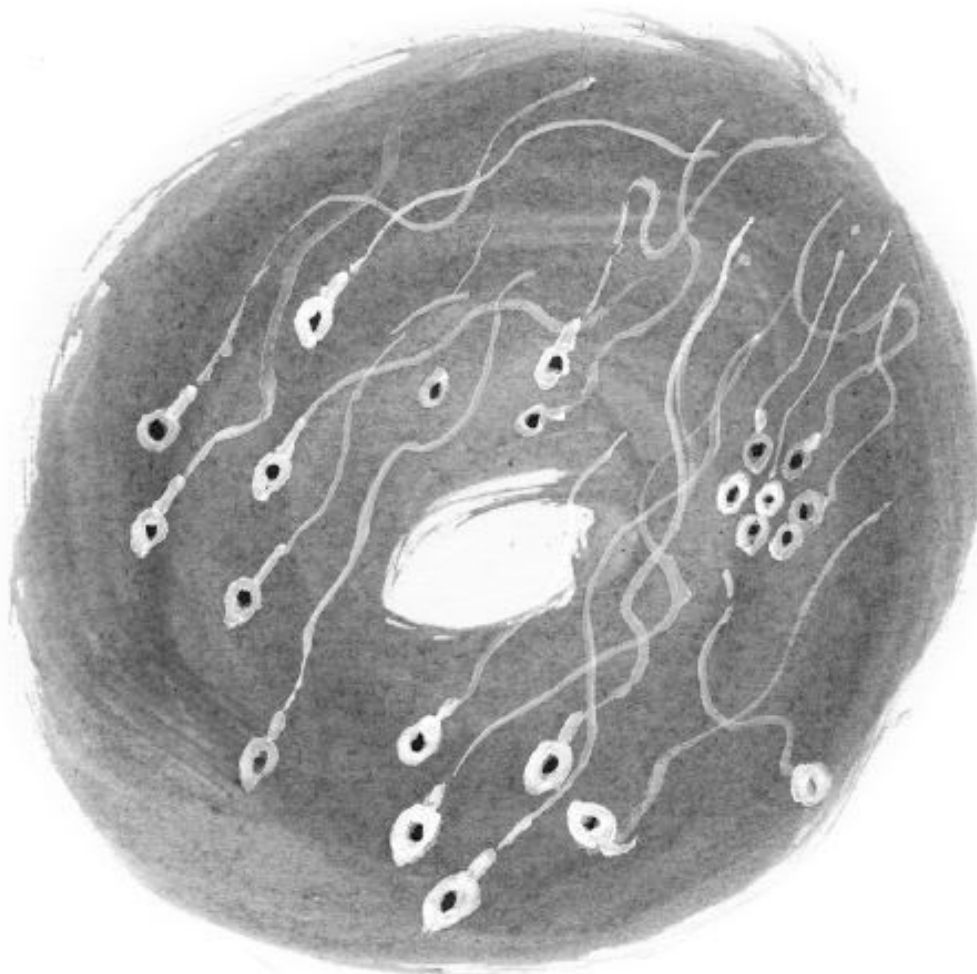
Желаю успеха. – И убежал.

Ничего не понимаю. Влада Юрьевна смотрит на меня, вроде и не она дрочила, а оказывается, вот что: мою наизлюбленную молофейку погружали в разные жидкие газы, замораживали, превращая ее в плоскую льда, ну, и оттаивали. Оттают и глядят: живы хвостатые или нет, а в них гены спирально затасованы. Никак не могли газ подобрать и градусы. И вот – подобрали. И что же? Ракет тогда еще не было. Но Академик с Кимзой мечтали запустить мою молофейку на какую-нибудь планетенку вроде нашей и – в общем, я в этом деле не секу – посмотреть, что выйдет... понял?... ты ебало не разевай – еще не то услышишь... мои живчики вместе с чьими-то попавшими яйцеклетками выбрались бы из беременного стеклянного прибора, как ты вот из маменькиного пуза, бух! – прямиком в питательный бульон, скажем, Венеры, знаком я с которой по планетарию... через девять месяцев появляются в том бульоне живехонькие Николаи Николаевичи!.. их целый десант, и приспособляются, все эти милые распиздяи, к окружающей среде... так возникает жизнь во Вселенной... не веришь, мудила?..

а ты вот вместо четвертинки возьми в Елисейском карпа живого, заморозь и поутрянке в теплую ванну брось – он непременно оживет... так вот, возвращается Академик-старикашка, я стараюсь не смотреть на Владу Юрьевну – пылаю от стыда... хотя нет, сначала я Кимзе сказал, что желаю краем глаза взглянуть на этих живчиков... пристроил шнифт к микроскопу, гляжу... их, хвостатеньких головастика, видимо-невидимо... правда, что народ или нация, главное, я их папаша... Академик беззлобно замечает:

– Вы, Николай Николаевич, как-нибудь, пожалуйста, сдерживайте себя, не рычите, не орите при оргазме, а то уж по институту слух пополз, что мы вивисекцией здесь занимаемся. Времена знаете какие? Мы – генетики – без пяти минут враги народа. Да-с. Не друзья, а враги. Сдерживайте себя. Трудно. Верю. Помню молодость. Но сдерживайтесь. Хотя бы грызите зубами карандаш, как случилось однажды со мной в нынешней Коммунистической аудитории, где мы расположились с одной импозантной аспиранткой.

– Скрипеть, – говорю, – зубами нельзя, от этого в кишках зарождаются глисты.

– Кто вас, милый вы мой, информировал?

– Училка естествознания в детдоме.

– Кимза! Подкиньте эту идею Лепешинской. Пусть ее тупые сатрапы скрипят зубами и ждут самозарождения глистов в своих прямых кишках... Шарлатаны! Варвары! Нахлебники! Враги народа!

Тут Академик закашлялся, закатил шнифты под потолок, побелел весь, трясется, вот-вот хуякнется на пол, но я его на руки взял и усадил на мягкий стул.

– Не бздите, – говорю, – папаша, ебите все в рот, плюйте на солнышко, как на утюг, разглаживайте морщины! – Академик засмеялся, целует меня.

– Спасибо, – говорит, – за доброе, живое слово, не буду бздеть, не буду!

Не дождутся! Пусть бздит неправый! – Он эту народную мудрость сначала на нашем сказал, потом ее же трекнул по-древнеримски.

Кимза спирт достал из сейфа. Я закусон приволок свой бацилльно-донорский, ну, мы и бухнули за успех науки. Академик захмелел, кричит, что не страшна теперь человечеству всемирная катастрофа и что если все какой-то вагинеткой накроются и замутируют, голову сломя, то моя сперма зачнет новых первосортных чугреев на другой планете, а интеллект – дело наживное, если он вообще человеку нужен, потому что хули от него, кирюха ты мой, толку, от интеллекта этого?.. ты бы посмотрел, как ученые хавают друг друга без соли, блядь, в сыром виде, разве что пуговички сплевывают... а что у нас за международное положение?.. хуеватое оно, вот какое... у зверей небось львов там или шакалов, даже у акул и у собак нету

ведь международного положения, а у человека есть... только из-за распущенного интеллекта... ладно... прости за лекцию... вздрогнем.

7

Короче, прихожу на другой день или после воскресенья, ложусь в хавирке на диванчик, а мой что-то косорылит – ушел в отказ... дрочу, дрочу, а он, подобно мавзолейному чучелу, видите ли, не встает, возгордился... а дело было простое: я ведь в выходные о Владе Юрьевне мечтал, сеансов внутренне набирался – влюбился, злоебитская сила... но работать-то надо... Кимза без толку орет: внимание, товарищи, – подготовка к оргазму номер 1... все нервничают еще больше меня...

представь себе, Влада Юрьевна говорит, что, мол, у меня теперь какой-то стереотип динамический в голове образовался, и ей придется снова вмешаться... от одних этих слов ее голоса медового я чуть было не струхнул...

села она опять рядышком, вырубил свет... а-а-ах... словно впервые пронзает... а-а-ах... до кишок достает меня еще не открытая физиками наук всемирно ебитская сила... а-а-ах... закрываю шнифты, лечу в тартарары, зубами скриплю, хер с ними, с глистами, а в позвоночник мой по новой забиваются, загоняются серебряным молоточком алмазный гвоздик за алмазным гвоздиком... ебс, ебс, ебс... по жилушкам уже не кровь течет, а веселые прошагивают ребята джаз-оркестра Утесова, и, клянусь, ногти чешутся на руках и на ногах так, что, как кошке в течку, – все охота царапать, царапать и рвать на кусочки... тебя пиздячило когда-нибудь током триста восемьдесят вольт, ампер до хуя и больше, в две фазы?.. а меня пиздячило... так это все мура по сравнению с тем, когда кончаешь под руководством Влады Юрьевны... золотисто-огненная молния... пусть меня расстреляют в Нескучном саду, лицом к Москва-реке... совершенно огненная молния розово искрящихся лучей, колен этак в двадцать, ебистосит тебя промеж больших полушарий, не подумай только жопы, бери выше – головы!.. и – все... только радуга от тебя остается, испарился ты в дрожащую капельку какой-то тяжелой ртути... и снова, тебе кажется, навсегда рассыпались все двадцать розовых колен той неопикуемой молнии... выходит дело, я опять орал и летел в бездну без дна и крышки... Кимза ворвался, весь бешеный, белый весь, пена на губах, заикается, толком сказать ничего не может, а Влада Юрьевна ему и говорит, спиртом рученьки протирая:

– Опыты, Анатолий Магомедович, будут доведены до конца. Не теряйте облика ученого, так вам идущего. Если Николай Николаевич имманентно кричит, то ведь при оргазме резко меняются параметры психологического состояния, при этом механизмы торможения становятся бесконтрольно расшатанными... это – отдельная проблема... считаю, что необходимо строить сурдобарокамеру и заказать новейшую электронную аппаратуру... чем нервничать – поинтересовались бы о наличии в Японии элегантных автомастурбаторов на батарейках, будьте добры, обойдитесь без ухмылок и прочей порнографии. Возможно, мастурбация – наиболее трудная, чисто психологически, в науке работа.

Ты бы посмотрел на нее при этом... волосы мягкие, рыжие, глаза спокойные и никакого блядства на лице – загадка, дама-сфинкс, то-то и оно-то... а у Кимзы челюсть трясется, на ебальнике печальном – собачья одинокая тоска... был бы маузер – в решето распатронил бы меня, блядь буду, если не так... ну, ты знаешь, я не фраер, подобрался, как рысь магаданская, и ебал я теперь, думаю, всю работу, раз у меня любовь и второй олень появился на голубом горизонте данной снежной пустыни.

– А вас, Николай Николаевич, я прошу не пить ни грамма спиртного минимум две недели, чтобы не травмировать сперму и не терять времени на излишне долгую мастурбацию. У нас его мало. Лабораторию вот-вот разгонят, – сказала Влада Юрьевна и вышла, протуберанка солнца моего, она одна души моей отрада и тот же негасимый свет. Не думай, не в ебле было дело, совсем не в ней, то есть не в половой ее части.

– Чего залупился? Давай кляпом рот затыкать буду, – говорю Кимзе.

– А без кляпа не можешь?

– Ты бы сам попробовал.

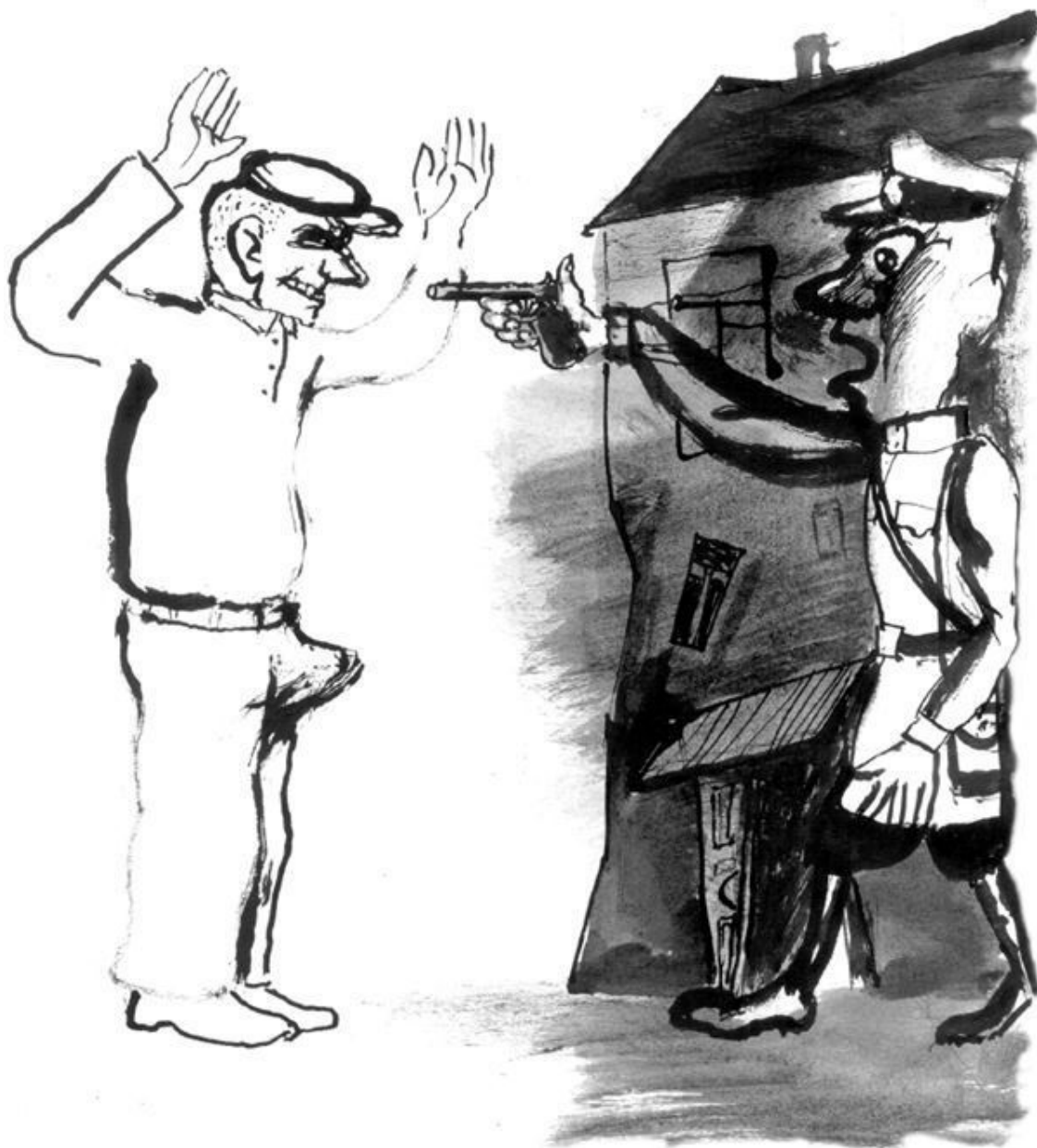
Он снова побелел, но промолчал... опять же, не знаю почему, раздается у меня в мозгу, уверяю тебя, голос ангела, моего хранителя, что никакой мне больше не положено скорой помощи Влады Юрьевны... он это – как отрезал, а я... я обрадовался и зарекся: такое, решаю, больше никогда не повторится, я – свинья, говно, а не летчик... и сразу, вместо стыда, у меня в башке возникли наполеоновские планы... дай, думаю, немедленно разузнаю, где живет Влада Юрьевна... незаметно сел в ее троллейбус, сошли на одной остановке, представляя себя Штирлицем, незаметно же слежу, держусь на расстоянии... темно... она идет под фонарями в черном пальто-манто, ножки красивей колонн Большого театра, белые, стройные, красиво сужаются к ступне, а у меня стоит, как новый валяный сапог... сам я без пальто, на башке грузинский аэродром с Дубининского рынка, выиграл в очко у одного кацо... кое-как отогнул шершавого влево, руку в кармане держу, неловко двигаюсь, она вошла в подъезд... вот уже по лестнице поднимается, коленки иногда видны такие, что мозги идут в разнос... пятый этаж, ушла... а у меня в глазах ее коленки... вдруг пожилой ко мне подходит мент и говорит:

– Хули ты выглядываешь тут, прохиндеище?

– Нельзя, что ли?

– Ну-ка, руку вынь из кармана! Живо!

– Я тебе что – на хуй соли, что ли, насыпал?

– Р-руки вверх! – заорал мент, я смеюсь. – Руки вверх, сказано!.. – вороненое «несчастье» достает и холодным дулом в ребра тычет... поднимаю грабки, а у меня торчит – карманный пулемет «Максим».

Мент посмотрел, ахнул, дуло к сердцу моему перевел и прямо за него – не за сердце же, – цап-царап.

– Это что еще такое?

– Пощупай получше и доложи начальству, что у такого-то, там-то, во столько обнаружено торчило, дымящееся прямо в вверенном лично мне дворе. Убедился?

– Документы есть? – «Несчастье» он сразу запихнул в кобуру.

– Дома оставил, даю слово... в данный момент у меня, как у латыша – лишь хер да душа.

– Совсем одичал народ. С чего это он у тебя, тут же у нас все же приличный двор, а не чердак со всегда поддатými блядьми.

– Любовь у меня, сержант, поэтому, как видите, встал мой дурак самостоятельно... свое-то вспомнили бы первое чувство.

– Не было его ни черта... какое там на хер чувство!.. она меня охмурила, отравила, нарожала трех остолопов, теперь плачу алименты, блядь, лишний раз не поддать... чувство!.. иди уж, дурак, куда шел, весь ты в комель уродился. Увидел, что ли, нечто голообнаженное?

Посмотрел мент, голову задрал, нету ли где в окошке чего-то такого, я сунул ему в лапу купюру, попросил врезать пузырь за мою судьбу, он взял, вздохнул и слинял... сажусь на краешек мостовой, напротив ее дома, и гляжу, как стебанутый мешком с клопами – вдруг выглянет в окошко...

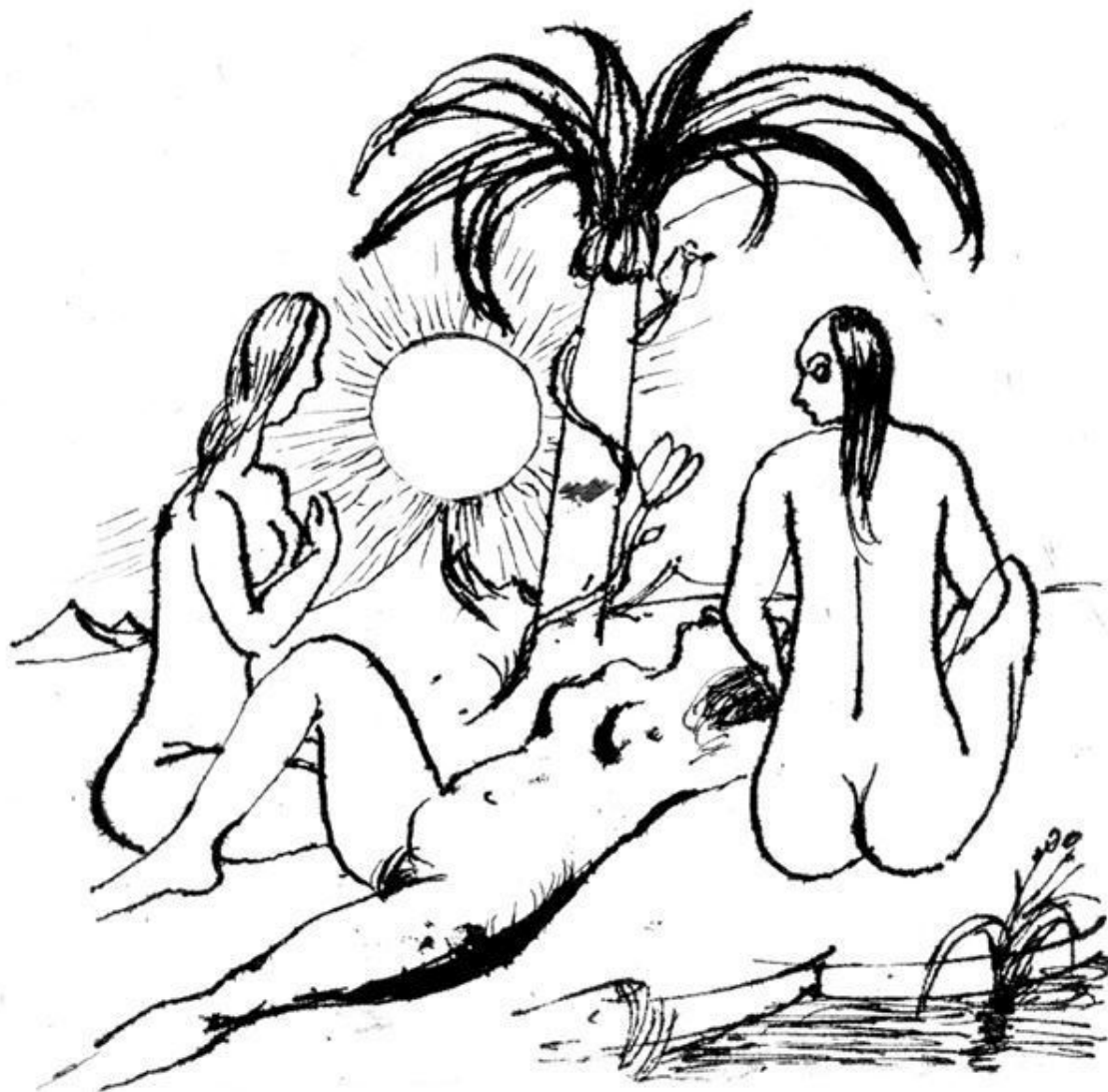
любовь, это тебе, кирюха, не червонец срок волочь – это судьба чувства на всю жизнь, от звонка до звонка... ой, блядь, какие тогда треволнения терзали мою душу... и вроде бы кто-то гвозди мне ржавые под ногти загонял... ты, повторяю, не думай, что все дело в ебле, как доказывал Лука Мудищев... мне бы просто так смотреть на лицо ее – в нем блядства ни на грош – на волосы, то ли русые, то ли рыжие, заглядывать в глаза... они у нее тоже – иногда зелено-карие, а иногда темно-, допустим, бирюзовые... а вот когда именно такими они бывают – обойдешься, знать тебе не положено, когда ее глаза становятся такими, как бы это сказать... словом, утро осеннее, утро туманное, иначе не обрисуешь... или возьмем руки...

подобных больше нет ни у кого – даже у огоньковского портрета богини Венеры, на которую весь барак дрочил, пока надзор не отобрал... вот с чем бы тебе, мудила, сравнить эти руки?... допустим, стоишь ты босиком на льдине... семь ветров дуют в семь твоих бедных дырочек... у нас, то есть у мужчин, тупым-то не будь, всего семь, а у женщин их восемь... всего-то на одну дырочку больше, а сколько во всем мире шухера, картин, портретов, тут и голые статуи, и танцы лебедей, загибающихся от балетного мороза прямо в хер ишачий, и, разумеется, Зоя Космосомская, она же Валентина Чкалова, совсем заговорился, короче, много чего еще... не важно чего... а то, что, по твоим словам, женщина мало выигрывает как раз из-за той самой лишней дырочки, то ты рассуждаешь хуже ебаного Лысенки...

постыдился бы так логичить в наши дни, когда генетика в жопе... леди, чтоб ты знал, всегда красивей джентльмена... так говорит Академик, мой учитель Хреново... возвращаемся на льдину... развивай воображение-то, иначе выше своего шершавого не прыгнешь... в душе, в общем, сквозняк, и жизнь твоя, чтоб я пропал, на льдине кажется чужой зеленою соплей, нависшей над прорубью в бездну бездн... харкотинной, более того, она тебе кажется, но все дело-то в том, что вокруг тебя конвой... весь он в белых полушубках, жареные бараньи ноги, видите ли, хавает, обжигается... буквально подыхаешь от запаха... да, ты от него врезаешь дуба чисто физицки и чисто биологицки тоже... дрожишь, смотрю, от холодрыжности моего богатого воображения?... а ты поддай... вот так... и вдруг... вдруг нету на той льдине ничегошеньки, верней, ни тебе конвоя, ни жареных бараньих ног, главное, никаких хуев моржовых с белыми медведями... только теплый, теплый, мягкий-мягкий, как между ляжечек у той же... в общем, у Леди с большой буквы... и вместо льдины, песочек я имею в виду, пальмы, а под пальмами шоколадные цветущие дамы со следами былой красоты на лице, и одна, самая из них дебелия, подходит и намазывает тебе бесплатно на муде целую банку розового крема... нет, не для бритвы который, а для пирожного эклер – оно же наполеон... ты что – совсем уже чумеешь?... я, учти, не шампанская муха, чтоб нарочно тебя возбуждать и даже раздрачивать... короче, тебя так быстро перевели из одной окружающей среды в другую, словно бы из карцера в больничку, что ты в данный перевод ни хера еще не веришь, орешь от невыносимого впечатления, хуяк – и в обморок... а ты не горюй, как говорит один мой знакомый грузин Резо, который гений... поумнеешь – завяжешь на трех вокзалах замки отгрызая у чемоданов, в ВУЗ помогу поступить, ты умный, попадаешь еще по обморокам-то, куда ты нахуй денешься... встретится и тебе в твоей судьбе дама сердца, вроде Влады Юрьевны, – вот и попадаешь... ты малый с температурой в 30 градусов жары – буквально ртуть кипит в залупе твоей грешной... ты нелогично спрашиваешь: что в жизни человеку надо?... но ответчу: свобода плюс птюха кровного, законного тепла и конечно же взаимная любовь с одной-единственной женщиной,

еще раз подчеркиваю, во Вселенной... большинство всего остального, с одной стороны, геморрой, с другой – щекотка в носоглотке... хули ты ко мне с обмороками пристал, ну, блядь, просто как оголодавший кобель к шеф-повару кабака, когда из адской кухни выходит тот поссать на чистую атмосферу рабочего дыхания... что я, академик, что ли, анализировать обморок?.. почему?.. почему... злоебитская сила, шевельни извилинами-то.

Ведь мужики редко когда падают в обморок, все больше женщины... вопрос: какие именно?.. ответ: простые работяги... не только асфальтировщицы, которые дети солнца в своих оранжевых жилетах... тут и кассирши, и бухгалтерши, и в химчистке которые блевотину нашу принимают, и воспитательницы из яслей, и продавщицы, особенно зимой, когда на улице овощи продают, синюю птицу, фрукты, мороженое филе трески, и со стройки бабы, и с мясокомбината, и изо всяких артелей, фабрик, портновских ателье... хуево ты относишься к женщинам... ну, сука, я про них ему толкую, а он пристал с синей птицей... синяя птица – это цыплята, посиневшие от бесхозяйственного дефицита, в дальнейшем Советская власть выбрасывает их в продажу перед Новым годом, Первомаем, Седьмым ноября и выборами в верховный с понтом совет... не перебивай мысль... ведь как дело обстоит?.. вроде бы за день наебется баба на работе так, что только пожрать – и на бок... и намерзлись милые бедняги, и жопы отсидели нежные, и руки ноют, и глаза болят, если баба чертежница, и ноги у парикмахерш отекают, и башка у уборщиц кружится стоять раком – заебешься дым глотать, как все они охуевают от радикулитов, моючи полы министерств, киношек и вокзальных сортиров, все грязное, сука, обоссанное, засратое, изблеванное – ну, как им всем звучать гордо в койках-то?.. или возьмем кондукторшу: ей не то что невмочь понежиться, допустим, со мною, потом культурно поебаться... какое там! – гадом быть, у нее язык уже не ворочается, за день наорамшись в трамвае «Аннушка»: граждане, берите билеты, с передней площадки не соскакивать,

отрежет ноги нахуй, ну, и так далее... короче, ей уже категорически не до интим интимыча интимкина... а на самом деле в чем секрет-то?.. или муж, или ебарь, или я... хули ты забеспокоился?.. само собой, и ты тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.